

А. Ю. Милитарев, И. И. Пейрос, В. А. Шнирельман

**МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
РЕКОНСТРУКЦИЙ ЭТНОГЕНЕЗА**

В современной науке уже давно утвердилась идея о многокомпонентности состава различных народов, физические, культурные и языковые черты которых могли иметь и нередко имели разные истоки¹. Этногенез, следовательно, представляется комплексной проблемой, решение которой может быть достигнуто только совместными усилиями специалистов разного профиля: лингвистов (язык), антропологов (физический тип), археологов, историков и этнографов (культура). Вместе с тем каждая из отмеченных научных дисциплин обладает своей методикой и имеет дело со специфическими источниками, которые освещают проблему этногенеза весьма неодинаково. Хотя теоретически изучение этногенеза является целостной проблемой², на практике, разрабатывая эту проблему, представители отдельных научных дисциплин, исходя из имеющихся в их распоряжении специфических источников, поневоле отдают предпочтение какому-либо одному из элементов вышеуказанной триады, тем самым упрощая реальную картину. Поэтому, несмотря на неоднократные призывы к комплексному подходу, многие специалисты, занимающиеся вопросами этногенеза, рассматривают эти вопросы достаточно односторонне.

Совершенно очевидно, что объективно причина этого заключается в полной неразработанности понятия комплексного подхода и связанной с ним методики. Нередко то, что представляется исследователям комплексным подходом, на самом деле является механическим соединением выводов, полученных разными научными дисциплинами. Интерпретация этих выводов часто бывает неоднозначной, и исследователи, как правило, проявляют определенный субъективизм, отбирая из смежных дисциплин лишь то, что, как им кажется, укладывается в их схему. При этом вопрос о том, почему между разными дисциплинами возникают противоречия, обычно не ставится.

Что же необходимо для выработки сбалансированного комплексного подхода, основанного на анализе разнородных по своей сути источников? Прежде всего надо четко сознавать, что исследователь имеет дело с разным набором источников при изучении не только разных сторон этногенеза, но и его разных этапов. Очевидно, чем больше исследователь углубляется в прошлое, тем более изменяется и сужается источниковедческая база. Если для изучения этнических процессов средневековья и нового времени можно в полной мере использовать возможности самых разных научных дисциплин, среди которых приоритетными будут, очевидно, история и этнография, то для более ранних эпох возрастает роль археологии, лингвистики и палеоантропологии. В то же время при изучении древнейших эпох возможности палеоантропологии оказываются далеко не беспредельными. Это стало заметным в особенности в последние годы с появлением популяционной теории расы. «Расовый тип, — пишет В. П. Алексеев, — представляет собой какой-то комплекс морфологических особенностей со своей изменчивостью, который либо не представлен полностью у отдельных индивидуумов, либо представлен у них исключительно редко. Поэтому определение расового типа индивидуума лишено смысла»³. Тем самым определение антропологического типа древнего населения требует обработки представительных серий палеоантропологических данных, а последние, как правило, имеются лишь для относительно позднего этапа человеческой истории. От более древнего

¹ Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // Сов. этнография (далее — СЭ). 1949. № 3; Чебоксаров Н. Н. Проблемы происхождения древних и современных народов. М., 1964.

² Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986.

³ Его же. Историческая антропология. М., 1979. С. 118.

периода до нас доходят в основном останки отдельных индивидуумов, роль которых в качестве этногенетического источника в силу указанных причин достаточно ограничена.

Следовательно, выработать сколько-нибудь универсальную комплексную междисциплинарную методiku, годную для изучения всех народов мира во все эпохи, представляется невозможным. Поэтому, комплексный подход должен быть достаточно гибким и включать некоторый набор разных методических приемов, связанных с анализом принципиально различных источников и их сочетаний.

Для изучения глубинных этногенетических процессов эпох раннего и среднего голоцена (12—4 тыс. лет назад) главными источниками становятся лингвистические и археологические (здесь археология понимается широко, включая палеоботанику, палеозоологию и палеоклиматологию, ибо исходные данные для этих наук по большей части добывают археологи). Указанный период вызывает особый интерес, так как именно тогда складывались и распадались основные семьи языков мира. Это-то и ставит на повестку дня разработку методики комплексного лингвоархеологического подхода. Такой подход может стать плодотворным лишь при одном важном условии — если соответствующие научные дисциплины будут способны собственными средствами фиксировать одни и те же исторические процессы или события. Только в этом случае, сопоставляя полученные независимым путем данные, можно будет совместить лингвистическую карту с археологической и попытаться отождествить создателей определенных археологических культур с носителями тех или иных языков.

Но как это возможно осуществить практически? До недавнего времени в науке преобладал подход, который в упрощенном варианте складывался из двух следующих независимых процедур. Исходя из имеющихся данных о древнем и современном расселении народов, лингвистических представлениях о степени генетической близости соответствующих языков и глоттохронологических подсчетов, строилась пространственно-временная схема распада языковых семей и распространения их отдельных ветвей. Эта схема в свою очередь накладывалась на археологическую карту и в случае отсутствия сколько-нибудь существенных расхождений считалась достаточно надежной. Такой метод не предусматривал реконструкции основного массива культурной и экологической лексики и детального сопоставления ее с археологическими и палеогеографическими данными.

В последние годы лингвисты начали предпринимать определенные усилия для реконструкции соответствующей праязыковой лексики, однако взаимоотношения между специалистами-смежниками и ныне остаются разобщенными. Исследователи разного профиля отбирают исходные данные независимо друг от друга. На основе этих данных каждый из них строит соответствующую гипотезу, причем в силу естественного хода научного исследования часть первоначально отобранных ими фактов неизбежно оказывается не включенной в окончательный вариант выдвигающихся гипотез. В результате только определенный, субъективно отобранный набор фактов становится достоянием специалистов-смежников. Добавим, что каждый исследователь обычно формирует свою научную гипотезу, опираясь лишь на те факты, которые представляются ему значимыми для решения поставленной задачи, не заботясь об интересах специалистов-смежников. При этом игнорирование лингвистом определенных реалий типа неизвестных или малоизвестных ему названий флоры и фауны может существенно обеднить набор исходной лексики, которым пытаются пользоваться археологи. Так, скажем, если лингвист при реконструкции прародины центральноюжных дравидов не обратит внимание на корень со значением «тик», он лишит и себя, и специалистов-смежников очень важного аргумента, позволяющего искать эту прародину в зоне сухих листопадных тропических лесов. Понятно, что такие невольные искажения значительно усложняют использование материалов данной науки специалистами-смежниками.

Отметим также, что до сих пор практически не ставился вопрос о специфике интерпретации реконструированного лексического материала, т. е. специалисты не обращали особого внимания на то, что означают те или иные лингвистические реконструкции, насколько точно они могут характеризовать древнюю этнокультурную ситуацию.

При значительной дифференциации современной науки, сопряженной с огромным объемом накопленных знаний и особыми специфическими методическими приемами в каждом из ее многочисленных подразделений, трудно предполагать, что владение одним ученым глубокими археологическими и лингвистическими знаниями и навыками может стать сколько-нибудь распространенным правилом. Выход из этой ситуации мы видим в совместной работе специалистов-смежников по вычленению желательного полного набора исходных данных, значимых для междисциплинарных сопоставлений, и исторической интерпретации таких данных. Подобно археологическим остаткам, реконструированная лексика, естественно, не дает полного и адекватного отражения исторической картины, и поэтому ее интерпретация должна сопровождаться тщательным источниковедческим анализом, принятым для работы с любым историческим источником. Основываясь на специфических для своей научной дисциплины данных, каждый специалист должен строить гипотезу вполне самостоятельно, опираясь на методические требования соответствующей науки. И лишь на завершающем этапе работы полученные гипотезы (лингвистическая о лингвогенезе и археологическая о культурогенезе) должны быть совмещены в ходе совместного обсуждения, с упором на полученные данные о культурной и экологической лексике, с одной стороны, и об исторических реалиях — с другой.

На каких фактах следует заострить внимание при построении глубинных этногенетических реконструкций? В течение раннего и среднего голоцена в истории человечества наблюдалось несколько важных рубежей, которые могут очень четко фиксироваться как археологическими, так и лингвистическими способами. Одним из них был переход к производящему хозяйству, причем есть основания полагать, что он-то и явился одним из переломных моментов в этногенетическом развитии во многих областях мира, создавая в конечном итоге предпосылки для возникновения более четких этнических структур на месте прежних, весьма размытых ареалов этнокультурной непрерывности⁴. Существенно, что археологи и лингвисты могут независимо фиксировать различные аспекты процесса перехода к производящему хозяйству. Возможно выделить следующие независимые направления археологического и лингвистического изучения процессов этногенеза в связи с переходом к производящему хозяйству, что позволяет корректировать выводы, полученные разными способами, и делает реконструкцию особенно надежной.

А. Получение независимых хронологических шкал. Основным методом получения абсолютных датировок в археологии служит радиоуглеродный анализ. В последние годы было показано, что радиоуглеродная шкала дает даты, искусственно омоложенные по сравнению с календарными. Для приведения радиоуглеродных дат в соответствие с последними рекомендуется пользоваться специальными калибровочными коэффициентами⁵. К сожалению, сейчас калибровочная шкала разработана лишь для последних 8 тыс. лет, и остается не вполне ясным, в какой мере радиоуглеродные датировки искажают картину для более раннего времени. Так как наиболее ранние из калиброванных дат дают по сравнению с радиоуглеродными удревление приблизительно на 1 тыс. лет, то мы условно принимаем, что для периода раннего голоцена радиоуглеродные датировки должны удревяться тоже на 1000—1500 лет⁶.

⁴ История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 473 сл.

⁵ Klein J., Lerman J. C., Damon P. E., Ralph E. K. Calibration of Radiocarbon Dates//Radiocarbon. New Haven, 1982. V. 24. № 2.

⁶ Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М., 1980. С. 5, 6.

Основным и единственным методом получения абсолютной хронологии в лингвистике служит глоттохронология. Этот метод, предложенный М. Свадешем, неоднократно подвергался критике, отчасти вполне обоснованной. В настоящее время С. А. Старостин разработал его усовершенствованный вариант, который делает глоттохронологические подсчеты для разных временных уровней достаточно надежными. При этом следует иметь в виду, что увязка лингвистических праязыковых лексических реконструкций с глоттохронологическими датировками имеет свою специфику. С помощью глоттохронологических подсчетов более или менее точно датируется лишь момент распада праязыка. Что же касается реконструированной праязыковой лексики, то полученные таким образом даты дают лишь *terminus ante quem* для периода ее возникновения и бытования, иначе говоря, верхнюю хронологическую границу. А нижнюю границу можно выявить только при условии существования более древнего праязыка. Так, специфическая южнодравидийская лексика должна была существовать начиная примерно с XX в. до н. э. (распад центральноюжнодравидской общности) до X в. до н. э. (распад южнодравидской общности).

Устанавливая в обоих случаях абсолютную хронологическую шкалу, глоттохронология и калиброванные радиоуглеродные даты дают возможность взаимной корректировки и проверки археологических и лингвистических выводов.

Б. И археологические данные, и реконструированная лексика позволяют выявлять основные черты культуры (прежде всего материальной) изучаемой древней общности. Правда, по ряду объективных причин здесь следует ожидать некоторых расхождений между археологическими и лингвистическими материалами, которые по-разному характеризуют отдельные черты реконструируемой культуры. Так, если археологические данные дают возможность достаточно детально описать особенности орудийного набора, домостроительства, украшений, выявить источники сырья для разнообразных производств и т. д., то лингвистическая информация характеризует эти сферы гораздо более скупо, более обобщенно. Зато реконструированная лексика способна дать некоторую важную информацию об окружающей природной среде, что позволяет локализовать изучаемую этническую общность в пространстве, учитывая соответствующие палеогеографические данные.

Правда, и здесь не следовало бы фетишизировать возможности лингвистики, так как реконструированная лексика не может дать исчерпывающей характеристики природных условий прародины изучаемой этнолингвистической общности. Во-первых, языковая память, как правило, сохраняет лишь родовые, а не видовые названия животных и растений. Например, можно ожидать реконструкции древнего термина для диких коз, но по нему нельзя будет сказать, о каких именно видах идет речь — о козерогах, безоаровых козах, винторогих козах и т. д. А между тем каждый из этих видов имеет свой специфический ареал. Во-вторых, сравнительно точное значение можно получить лишь для тех экологических терминов, которые описывают виды фауны и флоры, обитающие не только в районе так называемой прародины, но и в большинстве областей, где носители языков-потомков расселены в настоящее время. Альтернативная ситуация, т. е. расселение последних на территориях с существенно иными природными условиями, сильно осложняет лингвистическую реконструкцию природной среды, существовавшей в районе прародины, так как в таком случае крайне мала вероятность сохранения исконных терминов с первоначальной семантической нагрузкой.

Это значительно затрудняет задачу локализации прародины этнолингвистической общности. Поэтому особую важность приобретает реконструкция терминов, связанных с одомашненными животными и окультуренными растениями. Так как при переселении в новые районы люди забирали их с собой, то соответствующая лексика оказывалась более устойчивой, чем чисто «экологическая», и в совокупности с данными, полученными археологическими, палеоботаническими и палеозоо-

логическими методами, это дает реальную возможность изучать древние переселения народов или межэтнические контакты с помощью комплексной междисциплинарной методики. Такое направление исследования имеет тем большее значение, что уже сейчас представляется возможным очертить относительно узкие ареалы доместикации растений и животных и картографировать пути их интродукции в новые районы. Правда, и здесь существуют свои пределы, так как в условиях примитивной земледельческой техники выращивание определенных культурных растений имело свои географические границы. Для их преодоления необходимо было либо выводить новые культурные разновидности и изменять технику их выращивания (например, переходить к ирригации), либо окультуривать иные виды флоры, более подходящие для данных условий. В последнем случае изменения неизбежно отражались и в лексике, т. е. либо имевшиеся термины могли переноситься на новые виды растений и менять свой смысл, либо вводились новые термины, а старые забывались. Такая картина наблюдалась у многих групп афразийцев и дравидов, которые переселились из зоны зимних дождей, где основные культурные растения были представлены пшеницей и ячменем, в зону летних дождей, где вместо них начали выращивать просо и сорго. В результате на общеафразийском и общедравидийском уровнях пока что не удается надежно реконструировать какие-либо термины для отдельных видов культурных злаков, кроме таких, как «зерно», «злак» и пр.

Гораздо более устойчивой является терминология, связанная с одомашненным скотом, так как животные отличаются гораздо большей экологической пластичностью, чем растения, и имеют значительно более широкие ареалы. Поэтому, если, например, выращивание пшеницы и ячменя не проникло южнее Сахары в Африке и южнее Северного Декана в Индии, то для разведения крупного и мелкого скота там никаких препятствий не было. В этом смысле информация о путях распространения домашних животных может дать для лингвоархеологических реконструкций значительно больше, чем данные о культурных растениях.

Большое значение для развития междисциплинарных исследований имеет и фиксация сложения специфического земледельческого (и скотоводческого) комплекса, что также возможно проследить независимо как археологически, так и лингвистически. Правда, в данном случае может обнаружиться некоторое расхождение в выводах, потому что, как представляется, начальные этапы становления производящего хозяйства лингвистически реконструируются лучше, чем археологически. Ведь на этих этапах выращиваемые растения и разводимые животные морфологически еще не отличались от диких, а техника сохраняла доземледельческий и доскотоводческий характер. Поэтому в археологических материалах самые ранние этапы становления производящего хозяйства не могут найти четкого отражения. Зато в лексике новые хозяйственные тенденции вполне могли проявляться. Отметим, что мы относим к земледельческо-скотоводческой терминологии ту часть реконструированной для флоры и фауны лексики, которая во всех языках-потомках однозначно используется для обозначения именно культурных растений и домашних животных. В тех случаях, когда хотя бы в некоторых языках-потомках рассматриваемый термин используется для обозначения диких растений или животных, утверждение о том, что соответствующие виды были уже окультуренными, становится значительно более гипотетичным.

Очевидно, рассматриваемая лексика будет выглядеть по-разному в зависимости от того, идет ли речь о первичных или вторичных очагах становления производящего хозяйства. Такое разграничение очагов было впервые намечено Н. И. Вавиловым. В последние годы появилась возможность уточнить введенные им дефиниции. Под первичными очагами производящего хозяйства следует понимать относительно крупные ареалы, где постепенно сложился целый комплекс культурных растений (и одомашненных животных), послуживший основой для перехода к земледельческому (и скотоводческому) образу жизни. Обычно эти очаги

оказывали заметное влияние на окружающие районы, создавая стимулы для распространения земледелия (и скотоводства). Вместе с тем такие мощные очаги возникали не сразу, а лишь в итоге взаимодействия отдельных диких видов. Иначе говоря, если в микроочагах создавались первичные культурные виды флоры и фауны, то в очагах происходило их объединение в крупные комплексы и на их основе формировались новые разновидности путем мутаций и гибридизаций.

Вторичные очаги — это те районы, где производящее хозяйство окончательно сформировалось главным образом после интродукции культурных видов со стороны. Но следует учитывать, что, во-первых, к началу внешних влияний здесь уже могли сложиться важные предпосылки, способствовавшие успеху заимствования; во-вторых, здесь даже иногда имелся свой микроочаг раннего земледелия; в-третьих, в новых природных условиях первичный комплекс культурных видов, возможно, подвергался преобразованиям; в-четвертых, во вторичном очаге процесс доместикации мог продолжиться, и тогда здесь вводились в культуру новые виды, неизвестные в первичном очаге; наконец, в-пятых, при благоприятных природных и культурно-исторических условиях вторичные очаги в ряду случаев достигали большой мощности и оказывали обратное влияние на первичные. Можно предполагать, что в первичных и вторичных очагах развитие терминологии, связанной со становлением производящего хозяйства, должно было протекать по-разному, но, к сожалению, эта проблема специально лингвистами не изучалась. Однако известно много случаев, когда во вторичных очагах соответствующая терминология была заимствованной. В ряде случаев анализ последней может дать интересные материалы для выявления этнокультурных контактов и направлений заимствования.

Большое значение имеет и тот факт, что в реконструированной лексике выявляются важные показатели социальной и духовной культуры, которые часто не находят столь же четкого отражения в археологических остатках. В будущем это открывает интересные перспективы для изучения тех аспектов древних культур, которые в настоящее время характеризуются исключительно с помощью широких этнографических параллелей. Так, недавно путем лингвистической реконструкции удалось обосновать наличие матрилинейности у некоторых древних североамериканских доземледельческих обществ⁷. Нелишне отметить, что интерпретация такого рода реконструированной лексики возможна лишь на основе глубоких этнографических знаний.

В. Становление производящего хозяйства, которое в каждом из микроочагов было, очевидно, связано с деятельностью особой этнолингвистической группы, а также возникновение единых первичных очагов в ходе их тесных контактов открывает еще одну возможность независимой фиксации одних и тех же процессов разными методами, так как древние этнические контакты сравнительно хорошо фиксируются и археологически, и лингвистически. Заимствованная в подобных условиях лексика могла закрепляться в языках участников таких контактов и долго сохраняться после их окончания, когда носители языков оказывались пространственно удаленными друг от друга. В этом случае фиксирующийся лингвистически факт контактов может служить одним из важных ориентиров для поиска древней территории обитания обеих групп населения. Тем самым открывается перспектива ареального подхода к решению вопросов этногенеза. При этом этногенез отдельных народов неизбежно рассматривается в контексте более широких этнокультурных взаимодействий, что позволяет избавиться от встречающегося до сих пор представления о том, что он мог происходить в некоем социальном вакууме.

В то же время если лингвистически устанавливаются не обоюдные, а лишь односторонние контакты (например, влияние языка А на

⁷ Aberle D. F. The Language Family as a Field for Historical Reconstruction//Journal of Anthropological Research. 1984. V. 40. № 1.

язык Б, но не наоборот), то возможно предполагать и иную ситуацию, например такую, при которой небольшая группа носителей языка А оторвалась от основного массива родственного населения и переселилась в район обитания носителей языка Б, где и растворилась, оставив лишь некоторые следы в языке Б. В этом случае, разумеется, нет надобности говорить о том, что все носители языков А и Б когда-то обитали рядом друг с другом.

Оба рассмотренных варианта в принципе обнаруживаются и археологически, с той лишь разницей, что в условиях достаточно тесных контактов обе лингвистические группы могли отличаться определенным культурным единством. В этом случае их отделение друг от друга может восприниматься археологически как распад единой общности.

Г. Междисциплинарная методика позволяет независимо фиксировать и процесс распада единой прежде этнолингвистической общности. Этот процесс мог происходить в двух разных формах. Отдельные компоненты прежней общности либо расходились далеко в разные стороны сразу же после распада, либо поддерживали контакты еще долгое время после разделения, окончательно порвав какие бы то ни было связи гораздо позднее. Если в первом случае и археологически, и лингвистически картина будет выглядеть достаточно однозначно, то во втором — археологические данные будут менее четкими, чем лингвистические. Разумеется, внутри по-прежнему единой общности выявятся отдельные локальные культурные варианты, но такие варианты обнаруживаются внутри любой культурной общности. Зато лингвисты во втором случае в принципе могут установить продолжающийся обмен лексикой между компонентами прежней этнолингвистической общности, хотя эта задача представляется нам более сложной.

При изучении процессов расселения отдельных групп за пределы первичных очагов производящего хозяйства и формирования в связи с этим вторичных очагов следует ожидать возникновения достаточно разнообразных этнолингвистических ситуаций. Среди них могут встречаться следующие.

1. Расселение по необитаемым землям. Это достаточно редкий случай, когда единство языка, культуры и их носителей сохраняется долгое время и его распад происходит лишь в ходе внутренней этнокультурной дифференциации.

2. Гораздо чаще расселение происходило по уже населенным территориям. Здесь можно выделить два варианта.

2а. Если местное население было представлено мелкими рассеянными группами бродячих охотников и собирателей, то пришельцы, как правило, поглощали их и в сформировавшемся обществе доминировали язык, культура и физические черты пришельцев, хотя в ряде случаев могли сохраняться и некоторые особенности местного населения. Примером служит расселение бантуязычных народов. О смешанном характере их южных групп говорят шелкающие звуки в языке и отдельные черты физического типа, указывающие на включение в состав местных обществ койсанского населения⁸.

2б. Если же местное население состояло из относительно крупных групп, ведущих высокоэффективное присваивающее хозяйство, то это могло служить серьезным препятствием для продвижения мигрантов и для распространения производящего хозяйства вширь. При определенных условиях здесь наблюдалось и этническое смешение, происходившее либо на равноправных началах, либо с некоторым перевесом той или иной стороны в зависимости от конкретной социокультурной ситуации. При этом побеждал либо местный язык, либо язык пришельцев, а культура местного населения изменялась в той мере, в какой это требовалось степенью перехода к производящему хозяйству. Первый вариант встречался, в частности, у чукчей и, видимо, готтентотов, которые перешли к

⁸ *Hiernaux J.* The Peoples of Africa. L., 1974. P. 187; *Murphy E. J.* The Bantu Civilization of South Africa. N. Y., 1974. P. 22.

скотоводческому образу жизни, заимствовав скот извне, но сохранив свой язык и физический тип. Второй вариант представлен, например, современными чадцами, физические предки которых в условиях перехода к производящему хозяйству сохранили прежний антропологический тип, но перешли на язык пришельцев-афразийцев.

3. Если аборигенное население обитало в особой экологической обстановке, недоступной для распространения производящего хозяйства в его исконной форме, то могла наблюдаться ситуация, когда бродячие охотники и собиратели заимствовали у пришельцев язык и некоторые элементы культуры, но еще долго сохраняли традиционное хозяйство (пигмей-мбути, ченчу, аэта, некоторые аслийские народы и т. д.)⁹.

Говоря о расселении ранних земледельцев (и скотоводов), следует иметь в виду тот факт, что их первоначальные хозяйственные системы, в особенности специфический набор культурных растений, были рассчитаны на строго определенную природную среду, вне которой их введение испытывало значительные трудности. Поэтому раннее производящее хозяйство распространялось сперва в районах с относительно однородными физико-географическими и климатическими условиями, но этот процесс надолго задерживался у границ таких районов. Ведь для их преодоления необходимо было кардинально перестроить прежние методы хозяйства, вывести новые культурные разновидности или же ввести в культуру местные дикие растения (домашние животные, как было отмечено, преодолевали такие границы намного легче, чем культурные растения). Иногда подобную трансформацию совершали сами носители производящего хозяйства, но в некоторых случаях к ней в большей мере были предрасположены местные группы, хорошо знавшие окружающую природную среду и начавшие заимствовать методы производящего хозяйства извне. Ясно, что последний вариант вовсе не обязательно был связан с одновременным переходом на новый язык. Но даже если язык автохтонного населения сохранял свои позиции, он должен был включить определенный набор заимствованной лексики, в том числе связанной с производящим хозяйством.

Впрочем, последнее не следует понимать слишком упрощенно. В ряде случаев местное население использовало привычные термины для заимствованных культурных растений и домашних животных. Так, получив картофель от белых торговцев пушниной, сэлиши перенесли на него название, относившееся к стрелолисту, который давал похожие съедобные клубни¹⁰. Некоторые группы индейцев Северной Америки, заимствовавшие лошадей у испанцев, тоже называли их местными терминами, означавшими «большая собака», «лось-собака» и пр.¹¹. Это, разумеется, не означает, что в подобном рода случаях фиксировать процесс заимствования лингвистически в принципе невозможно. Ведь если не прямо, то косвенно этот процесс в языке так или иначе отражался. Например, кеты, заимствовавшие оленеводческий комплекс у самодийцев, сохранили для одомашненного оленя то название, которое они использовали для дикого, но холощеного оленя стали обозначать самодийским термином¹².

Если же трансформация производящего хозяйства происходила у самих его носителей при переселении в новую природную среду, то и в этом случае лексика модифицировалась. Во-первых, изменения в хозяйственной системе порой выражались в утрате определенных компонентов первоначального комплекса культурной флоры и фауны, а с ними и соот-

⁹ Шнирельман В. А. Этнокультурные контакты и переход к производящему хозяйству // СЭ. 1982. № 2; его же. Инновации и культурная преемственность (на примере афроазиатских обществ с присваивающим и производящим хозяйством) // Народы Азии и Африки. 1982. № 5.

¹⁰ Suttles W. The Early Diffusion of the Potato among the Coast Salish // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1951. V. 7. № 3. P. 277, 278.

¹¹ Wissler C. The Influence of the Horse in the Development of Plains Culture // *American Anthropologist*. 1914. V. 16. № 1. P. 11; Roe F. G. The Indian and the Horse. Norman, 1955. P. 61, 62.

¹² Алексеенко Е. А. Кеты. Л., 1967. С. 69.

ветствующей части лексики. Во-вторых, некоторые традиционные термины в ряде случаев переносились на новые культурные реалии, меняя свой изначальный смысл. В таком случае значение соответствующих терминов, реконструированных для праязыка, будет, как уже указывалось, недостаточно определенным.

Выше было отмечено, что становление производящего хозяйства во вторичных очагах, за редкими исключениями, происходило в условиях синтеза местных и привнесенных традиций, и раннеземледельческая культура часто имела многокомпонентный характер. Как представляется, четкое осознание этого момента способно примирить, казалось бы, диаметрально противоположные точки зрения, с одной стороны, археологов и антропологов, делающих в последние годы упор на преемственность в культуре и физическом типе древнего населения, а с другой — лингвистов, фиксирующих прежде всего широкое распространение языков. Если расселение ранних земледельцев (и скотоводов) и расширение границ определенных лингвистических общностей сопрягаются лишь частично, то степень их корреляции должна в каждом случае изучаться специально. В данной связи одной из важнейших задач сравнительного языкознания в рамках лингвоархеологического подхода оказывается поиск субстратных языковых явлений, в особенности в тех случаях, когда родственные языки распространены у населения с гетерогенными антропологическими чертами.

Итак, комплексный лингвоархеологический подход дает возможность осветить следующие аспекты этногенетической проблематики: а) установление прародин определенных этнолингвистических общностей; б) описание некоторых особенностей их культуры; в) выявление пространственно-временных рамок для процесса их распада; г) установление круга различных взаимодействующих древних этнолингвистических общностей в рамках определенных ареалов и в определенные хронологические периоды; д) выявление особенностей формирования новых этнолингвистических общностей на основе распавшихся.

О возможностях рассмотренного метода свидетельствуют примеры двух сделанных нами этногенетических реконструкций, которые даются в нижеследующих приложениях. Один из них связан с этногенезом афразийцев, другой — центральноюжных дравидов. Эти примеры дают возможность осветить особенности использования лингвоархеологического метода для описания весьма различных ситуаций. Ведь в первом случае речь идет об общности, которая развивалась в первичном микроочаге становления производящего хозяйства, а во втором — о расселении ранних земледельцев и скотоводов в пределах вторичного очага.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ АФРАЗИЙЦЕВ *

Афразийская языковая семья, называемая ранее семито-хамитской, состоит из пяти ветвей: семитской, египетской, берберо-гуанчской, чадской и кушитской (иначе кушомотской). В настоящее время соответствующие языки сосредоточены в основном в Юго-Западной Азии, Северной и Северо-Восточной Африке.

По лингвистическим данным, древняя праафразийская (далее — ПАА) общность распалась в XI—X тыс. до н. э., когда ее носители, судя по реконструированной лексике, переходили к производящему хозяйству. Но, как свидетельствуют археологические данные, в столь древнюю эпоху подобный переход фиксировался лишь в одной части очерченного выше региона — в Юго-Западной Азии, в пределах которой поэтому следует искать прародину праафразийцев.

* Настоящее сообщение является сокращенным и уточненным вариантом доклада, зачитанного на конференции «Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока» в 1984 г. См. *Милитарев А. Ю., Шницерман В. А.* К проблеме локализации древнейших афразийцев (опыт лингвоархеологической реконструкции) // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока.* М., 1984. Ч. 2.

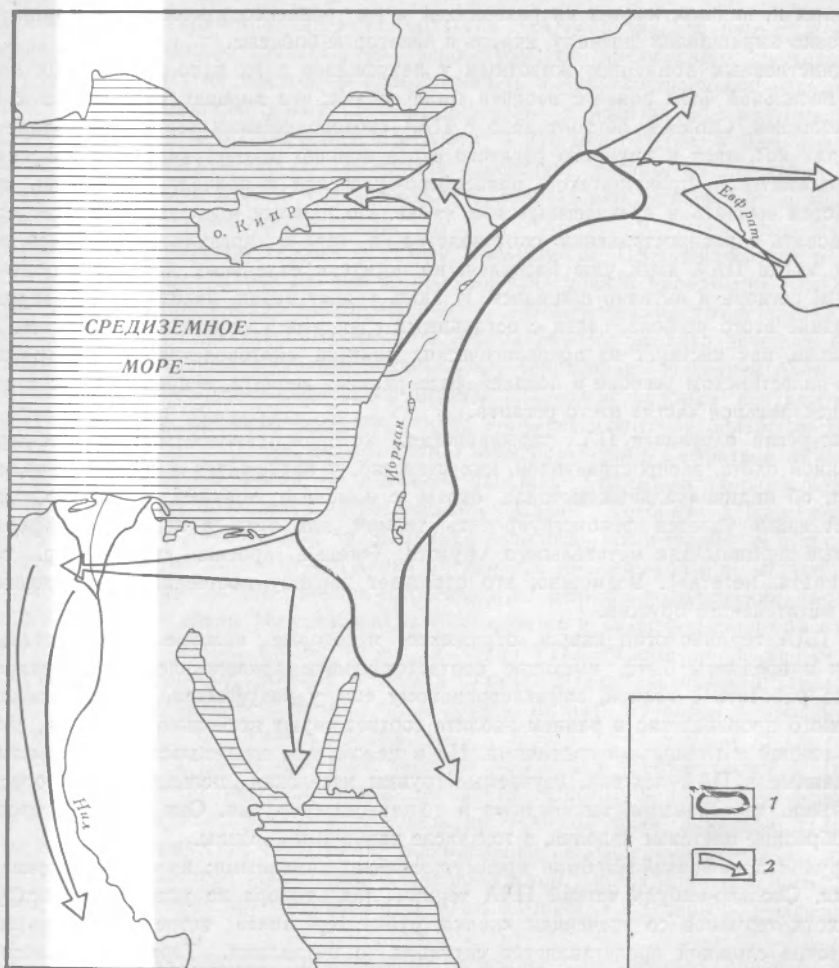

Рис. 1. Гипотетический ареал и пути расселения праафразийцев
 1 — гипотетическая прародина праафразийцев (поздних натуфийцев?); 2 —
 пути расселения сиро-палестинских групп в раннем и отчасти в позднем
 неолите

Экологическая ПАА лексика представлена тремя характерными блоками терминов. А. Среди фаунистической терминологии преобладают названия для стадных копытных, обитающих обычно в степных и полупустынных условиях (антилопы, газели, эквиды и т. д.). Б. Флора представлена в ПАА лексике несколькими названиями для лиственных деревьев и кустарников (в частности, имелись термины для оливкового дерева и инжира), а также влаголюбивых растений типа тростника. В. Физико-географическая ПАА терминология обозначает территорию, для которой были характерны как пустынные, так и лесостепные участки, как пересыхающие русла рек, так и широкие полноводные реки. Следовательно, прародина праафразийцев располагалась на границе двух природных зон: с одной стороны, пустынной и степной, а с другой — лесной или лесостепной с характерной восточномедиземноморской флорой. В Юго-Западной Азии такая картина встречалась только в Восточном Средиземноморье, где влажная субтропическая восточномедиземноморская область соседствовала с засушливыми ирано-туранской и сахаро-синдской зонами. (рис. 1).

Реконструированная ПАА лексика дает много материалов для характеристики древнего ПАА хозяйства. Здесь имеются термины, свидетельствующие о собирательстве растительной пищи и о зачатках или начальном этапе земледелия (зерно, мучная пища, вид злака/пшеница, ячмень и т. д.). Для суждения о последнем особые значение имеют такие термины, как «сеять», «заделывать семена в землю», «орудие для обработки земли» и т. д. Все это находит полное соответствие в археологических материалах о натуфийской и раннеолитических культурах в сиро-палестинском регионе. Известно, что натуфийцы занимались интенсивным собирательством диких злаков

и бобовых и, видимо, начали их разводить, а их раннеолитические потомки уже безусловно выращивали пшеницу, ячмень и некоторые бобовые.

Единственным домашним животным у натуфийцев и их непосредственных потомков в начальной фазе раннего неолита была собака, что хорошо увязывается с ПАА терминологией. Сложнее обстоит дело с ПАА скотоводческими терминами. Такие термины для коз, овец и крупного рогатого скота хорошо реконструируются при сравнении прасемитской, пракушитской, праберберо-гуанчской и праафразийской лексики, но их не удается выявить в древнеегипетском языке. По нашему мнению, это может свидетельствовать о распространении скотоводства в ареале древних афразийцев в тот период, когда ПАА язык уже распался, но носители отдельных диалектов обитали в прежнем регионе и активно общались. И лишь у праегиптян, находившихся, вероятно, на окраине этого региона, связи с остальными группами уже начали ослабевать. Действительно, как явствует из археологических данных, скотоводство распространилось в сиро-палестинском регионе в поздней фазе раннего неолита, и прежде всего в северной и центральной частях этого региона.

Интересна охотничья ПАА терминология, которая свидетельствует, во-первых, о загонной охоте, распространенной, как известно, у натуфийцев и их потомков, а во-вторых, об индивидуальных методах охоты с помощью ловушек и, видимо, лассо. В ПАА языке удастся реконструировать термин для лука, а также недифференцированные термины для метательного оружия («копье, дротик, стрела», ср. также «натягивать, метать»). Возможно, это отражает картину постепенного совершенствования метательного оружия.

В ПАА терминологии нашли отражение некоторые важные производственные навыки и предметы быта, имеющие соответствующие археологические эквиваленты. Умению работать с глиной, зафиксированному еще у натуфийцев, и самым зачаткам гончарного производства в раннем неолите соответствуют несколько связанных с глиной и глиняными изделиями. Но в целом, как свидетельствуют археологические данные и ПАА лексика, изучаемые группы населения пользовались в основном каменными, деревянными, тыквенными и кожаными сосудами. Они умели изготавливать разнообразные плетеные изделия, в том числе циновки и корзины.

Орудия праафразийцев были преимущественно каменными; имелись и деревянные изделия. Сколько-нибудь четкий ПАА термин для топора не удастся реконструировать, хотя терминов со значением «колка, рубка, срезание» встречено очень много. Достаточно сложной представляется ситуация с металлами. Термин со значениями «медь, металл, железо, серебро» реконструируется при сравнении всех афразийских языков, кроме берберо-гуанчских. Но древнейшие медные изделия появились в сиро-палестинском регионе лишь в поздней фазе раннего неолита. Предварительно можно предположить, что указанный термин являлся очень ранним межафразийским заимствованием, подобно рассмотренной выше скотоводческой лексике.

У древних афразийцев имелось несколько типов искусственного жилища, представленного как легкими формами, так и более прочными постройками, в том числе заглубленными в землю. Соответствующие реалии хорошо представлены и в археологических материалах. Натуфийцы и их непосредственные потомки обитали как в прочных наземных жилищах или полуземлянках, так и в более легких деревянных хижинах или палатках, сделанных из жердей и шкур животных.

Таким образом, реконструируемый лингвистически культурный облик праафразийцев и их отдельных групп, обитавших поблизости друг от друга сразу же после распада единой ПАА общности, в целом соответствует культурным реалиям, характерным, судя по археологическим данным, для сиро-палестинского населения в натуфийский и раннеолитический периоды. Увязка рассмотренных лингвистических и археологических данных друг с другом хорошо подтверждается и имеющейся хронологией. Ведь глоттохронологические подсчеты показывают, что ПАА общность распалась в XI—X тыс. до н. э. А по калиброванным радиоуглеродным датам натуфийский период относился к XII — первой половине X тыс. до н. э., а ранний неолит сиро-палестинского региона — ко второй половине X—VIII тыс. до н. э.

Большое значение для пространственной локализации той или иной древней этнолингвистической общности имеют ее внешние языковые контакты. С этой точки зрения весьма существенно, что все афразийские группы, за исключением предков египтян, контактировали (причем без посредничества семитских языков!) с северокавказцами, такие контакты выражались, в частности, во взаимном обмене лексикой. Так как соответствующие контакты могли, вероятнее всего, происходить именно на территории

Юго-Западной Азии, причем в северных областях ПАА ареала, то наряду с вышеприведенными данными об особенностях распространения древнейшего скотоводства это еще раз указывает на некоторую обособленность южной группировки афразийцев, которую можно предположительно идентифицировать с носителями праегипетского языка. Действительно, в эпоху раннего неолита в пустыне Негев, в Юго-Западной Иордании и на Синае обитала особая группа населения, генетически связанная с натуфийцами, но имевшая весьма специфический хозяйственно-культурный облик по отношению к их более северным потомкам.

Еще одним важным аргументом в пользу локализации ПАА прародины в сиропалестинском регионе являются данные об особенностях ранней иррадиации отдельных ПАА групп за пределы их древней прародины. С археологической точки зрения этот регион — практически единственный, откуда в период раннего неолита началось широкое расселение, охватившее не только значительные территории Передней Азии, но и примыкающие районы Средиземноморья и Африки. На севере важным центром иррадиации стала область Среднего Евфрата, откуда ранненеолитические обитатели двинулись на север вверх по р. Балих, на юго-восток вниз по течению Евфрата и на восток в Северную Месопотамию. Тогда же началось заселение влажных горных районов Ливана и прибрежных областей Северо-Западной Сирии, которые в свою очередь послужили отправной точкой для раннеземледельческой колонизации о. Кипр. Несколько позднее другой поток переселенцев устремился на юго-запад, и, видимо, благодаря ему в Нижнем Египте возник древнейший раннеземледельческий поселок Меримде. Еще южнее следы этих мигрантов фиксируются в оазисах Ливийской пустыни в Юго-Западном Египте, где во второй половине VII — первой половине VI тыс. до н. э. (по калиброванным датам) появился типичный переднеазиатский земледельческо-скотоводческий комплекс. Возможно, в раннем неолите началось и проникновение сиропалестинского населения в Аравию.

Лингвистически интерпретация этой картины расселения требует большой дополнительной работы. Предварительно можно высказать гипотезу о том, что в освоении оазисов Ливийской пустыни могли участвовать праберберо-гуанчи и працадцы, языки которых дают специфические сходства, указывающие на существование в древности единой этнолингвистической общности, берберо-чадской, по глоттохронологическим подсчетам, разделившейся приблизительно в VII тыс. до н. э. на берберо-гуанчскую и чадскую ветви.

Итак, судя по материалам комплексного лингвоархеологического анализа, поиск ПАА прародины в Восточном Средиземноморье представляется нам более перспективным, чем в Африке. При этом мы, разумеется, сознаем всю гипотетичность наших построений, в которые новые лингвистические и археологические исследования смогут внести достаточно серьезные коррективы.

А. Ю. Милитарев, В. А. Шнирельман

ПРИЛОЖЕНИЕ II

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА ДРАВИДОВ *

Современные дравидийские языки представлены восемью основными группами, на которых говорят обитатели различных районов Южной Азии от восточных районов Индии до Пакистана.

Судя по данным лексикостатистического анализа и по глоттохронологии, на рубеже IV—III тыс. до н. э. общедравидийский язык распался на две или три группы, к которым относились працентральноюжный (предок подавляющего большинства современных дравидийских языков), прасеверо-восточный (предок языков курух и малто) и, возможно, прасеверо-западный (язык брагуи). Позднее, на рубеже III—II тыс. до н. э., произошел распад центральноюжной ветви (далее — ЦЮД).

* Данное сообщение представляет собой сокращенный вариант доклада, зачитанного 4 июня 1987 г. на авторско-читательской конференции журнала «Вестник древней истории». См. *Пейрос И. И., Шнирельман В. А.* Об особенностях формирования раннего земледельческого комплекса в Южной Азии // X авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» АН СССР. Тезисы докладов. М., 1987. С. 23—25.

Исходя из принадлежности дравидийских языков к ностратической макросемье и наличия специфических эламо-дравидийских языковых сходжений, можно предположить, что дравидийские языки проникли в Южную Азию с запада, причем их распространение по территориям Пакистана и Индии происходило в IV—II тыс. до н. э.

В настоящее время имеются многочисленные лингвистические данные, позволяющие в полной мере использовать лингвоархеологический подход для локализации прародины центральноюжных дравидов и характеристики некоторых особенностей их древней культуры.

Реконструированная ЦЮД флористическая терминология представлена такими названиями, как тик, терминалия, хурма, манго, капок, бамбук и т. д. Взятые в комплексе, они позволяют локализовать ЦЮД прародину в зоне тропического сухого листопадного леса, занимающей сейчас многие северные, центральные и южные районы Индии. Этому соответствуют и данные о ЦЮД фаунистической терминологии (слон, несколько названий для оленей, тигр, мангуста, дикобраз, термит, павлин, попугай и пр.). Имеющиеся палеогеографические материалы говорят о том, что за последние 5 тыс. лет местоположение указанной зоны вряд ли существенно изменилось; если тогда и происходили некоторые природные сдвиги, то весьма незначительные.

Большой интерес представляет список ЦЮД культурных растений, который состоит из трех разнородных компонентов с разными экологическими характеристиками и различным происхождением. В общедравидийской и, следовательно, также в ЦЮД лексике имелись названия каких-то культурных злаков, которые можно связывать с пшеницей и (или) ячменем. Они происходили из районов Среднего Востока, где их разведение находилось в прямой зависимости от зимних осадков. Другие ЦЮД культурные растения были, напротив, приспособлены к летним осадкам. Среди них выделялись два комплекса: местный индийский (рис, маш, долихос двуцветковый, кунжут и пр.) и африканский (просо и, видимо, сорго). Сейчас земледелие Южной Индии основывается преимущественно на выращивании риса, сорго и африканских видов проса (раги и жемчужное просо). Поэтому в свете рассмотренных лингвистических данных вопрос о пространственно-временных параметрах формирования этого земледельческого комплекса имеет принципиальное значение для локализации ЦЮД прародины.

Первичный рисоводческий очаг располагался к востоку от средней части долины Ганга, и распространение рисоводства в северных и западных районах Индии происходило, судя по археологическим материалам, во второй половине III—II тыс. до н. э. Древнейшие находки проса и сорго в Западной Индии происходят из нескольких памятников, датированных II тыс. до н. э. Но следует учитывать, что эти африканские растения могли распространиться по Западной Индии лишь в том случае, если они достигли Южной Азии в период существования древнеиндийской цивилизации, т. е. во второй половине III тыс. до н. э., так как с упадком последней связи с более западными областями надолго прервались.

Картографирование известных палеоботанических находок показывает, что единственной в Южной Азии областью, где на рубеже III—II тыс. до н. э. в пределах зоны тропического сухого листопадного леса наряду с пшеницей и ячменем началось разведение риса и просяных культур, были районы Саураштры, Юго-Восточного Раджастанха и, возможно, западная окраина Мадхья-Прадеша. По рассмотренным параметрам именно эти районы скорее всего могут считаться исходной территорией расселения центральноюжных дравидов. Такому выводу не противоречат данные о других ЦЮД культурных растениях, которые находят соответствия в палеоботанических реалиях (рис. 2).

Взятые в комплексе, лингвоархеологические данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития ЦЮД земледелия. Ведь наличие разнообразных растений как зимнего, так и летнего вегетационного цикла позволяло снимать по два урожая в год. Кроме того, важными представляются ЦЮД термины для пахотных орудий, наличие которых соответствует недавно полученной археологической информации о появлении пахотных орудий в Западной Индии во второй половине III тыс. до н. э.

Помимо земледелия, центральноюжные дравиды занимались и скотоводством. Имеются три ЦЮД названия для крупного рогатого скота (одно из них, вероятно, относится к буйволу) и одно для свиньи. А термины для мелкого рогатого скота и собак реконструируются для общедравидийского уровня. Весь этот список практически полностью соответствует палеозоологической информации о скотоводстве в северо-западных районах Южной Азии в III—II тыс. до н. э.

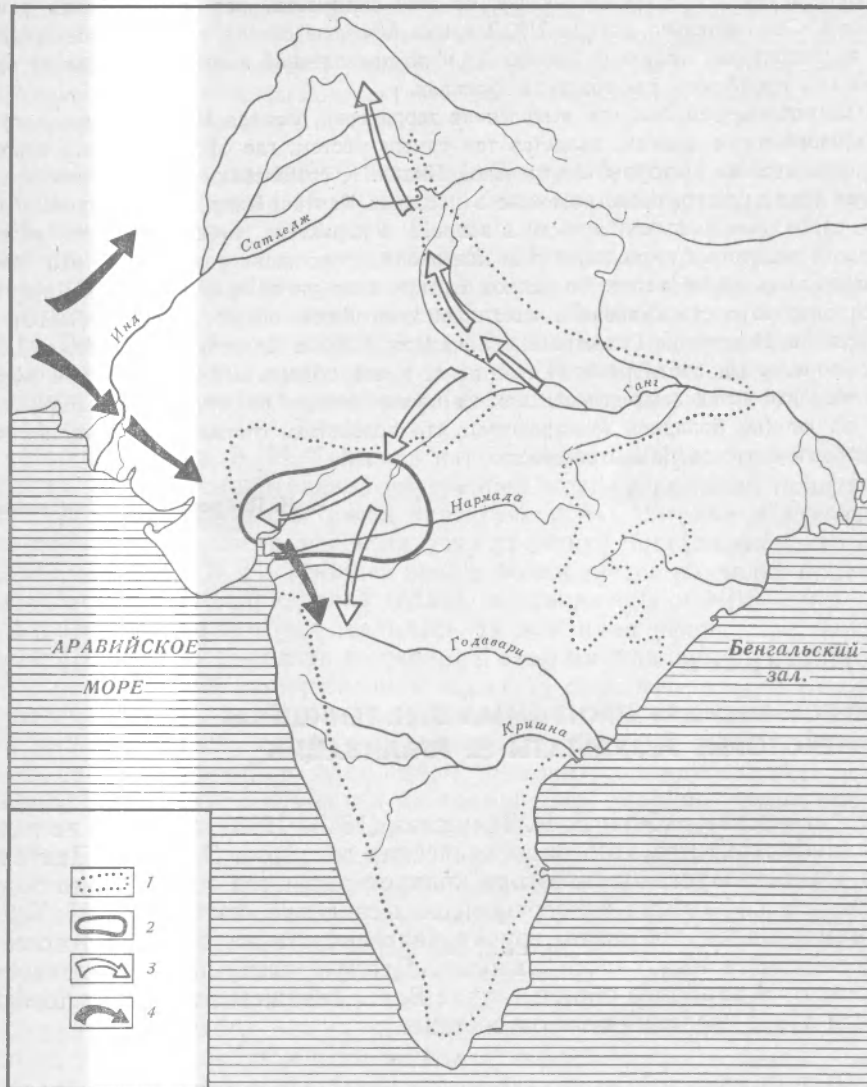

Рис. 2. Гипотетическая прародина центральноюжных дравидов и пути распространения некоторых культурных растений по Южной Азии
 1 — современный ареал тропических сухих листопадных лесов; 2 — гипотетическая ЦЮД прародина; 3 — пути распространения древнейшего рисоводства; 4 — пути распространения африканских культурных растений

К сожалению, пока не удастся, исходя из лингвистических данных, сколько-нибудь детально характеризовать другие сферы ЦЮД культуры. Ясно, что носители ЦЮД языка строили искусственные жилища с очагами, лодки, использовали лук и стрелы, занимались металлургией. Как бы то ни было, этот культурный набор не противоречит тому, что в настоящее время известно об обитателях северо-западных районов Индии III—II тыс. до н. э. по археологическим материалам.

Обратимся теперь к проблеме внешних ЦЮД связей. Лингвистическая реконструкция свидетельствует о том, что накануне распада центральноюжные дравиды контактировали с какой-то группой, говорящей на одном из синотибетских языков, у которой они заимствовали такие термины, как «ююба», «слон», «попугай», «тигр», два термина для обозначения быков или крупного рогатого скота, а также термин для риса. Так как рисоводство попало в Западную Индию через район Джамна-Гангского междуречья, это дает некоторые новые данные для решения вопроса о локализации древних синотибетских групп. Отметим также, что никаких контактов с синотибетцами на общедравидийском уровне не фиксировалось и они составляли специфику именно центральноюжнодравидийской общности.

Существенно, что в ЦЮД лексике, по всей видимости, нет индоарийских заимствований. Следовательно, распад ЦЮД языка никак не связан с появлением древних ариев на территории Западной Индии. Да и по приведенной выше хронологии он произошел задолго до того, как они туда проникли.

В заключение отметим, что выявленная территория распада ЦЮД общности, судя по археологическим данным, является тем самым местом, где сформировались известные энеолитические культуры Центральной Индии. К сожалению, самые ранние этапы развития этих культур, представленные в поселках Каятха, Ахар и т. д., изучены еще крайне слабо. Нет и полной ясности в вопросе о характере преемственности между ними, хотя некоторые археологические материалы позволяют предполагать, что такая преемственность имела место. Во всяком случае, и по чисто археологическим данным можно говорить о существовании некоторой культурной общности в Юго-Восточном Раджастане, Восточном Гуджарате и Западном Мадхья-Прадеше на рубеже III—II тыс. до н. э. На протяжении II тыс. до н. э. эта область служила центром расселения энеолитических земледельцев как на восток (вверх по течению р. Нармада), так и на юг (по Западной Махараштре), что полностью соответствует лингвистическим данным о распаде ЦЮД общности.

И. И. Пейрос, В. А. Шнирельман

Б. М. Фирсов

«КРЕСТЬЯНСКАЯ» ПРОГРАММА В. Н. ТЕНИШЕВА И НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Теоретические работы В. Н. Тенишева (1843—1903) являются не только «манифестом» его этносоциологических взглядов. В книге «Деятельность человека» установки автора конкретизируются в тщательно обдуманной классификации этнографических сведений, которые В. Н. Тенишев намеревался добывать, изучая деятельность на примере того или иного «племени или класса народа». Данную схему полезно привести полностью. В наиболее общем случае В. Н. Тенишев исходил из необходимости сбора сведений в таком составе:

- А. Отличительные свойства организма.
- Б. Окружающий мир в отношении к людям данного племени или класса народа.
- В. Исторический очерк.
- Г. Образ жизни народа.
- Д. Общественные установления. Обычаи и законы, регулирующие отношения людей ко всему племени или государству.
  - 1. Обряды и празднества. 2. Повинности. 3. Пользование общественным достоянием. 4. Направленность общественной жизни. 5. Переселения и иммиграция.
- Е. Отношения между соотечественниками.
  - 1. Соблюдение приличий. 2. Ограничения в пользовании дарами природы и имуществом. 3. Заем вещей и продуктов. 4. Наем. 5. Торговля. 6. Пользование деньгами. 7. Стремление возвысить свое общественное положение. 8. Сообщество.
- Ж. Верования, знания, язык, искусства.
  - 1. Верования (Воззрения на природу. Признание души и духов. Храмы и священные предметы. Молитвы. Совершение обрядов. Посты и правила воздержания. Вера в загробную жизнь. Смерть, похороны, поминки. Священнодействующие лица и священнослужители. Учреждения, поддерживающие культ). 2. Язык. 3. Письмо. 4. Счет. 5. Определение времени. 6. Знания. 7. Искусства. 8. Новшества и распространение известий. 9. Развлечения, игры, зрелища.
  - 3. Семья. Обычный порядок жизни.
- И. Сближение полов. Брак. Отклонение от брака.
  - 1. Рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности.
- К. Выходящие из ряда обстоятельства.